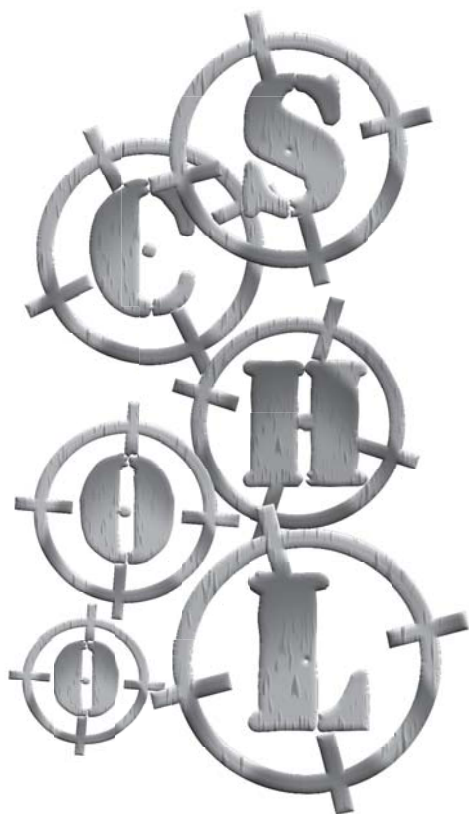

Правда за кадром

О нашумевшем сериале «Школа» мы побеседовали с Татьяной Вячеславовной Рыжковой, кандидатом педагогических наук, доцентом кафедры детской литературы института детства РГПУ им. А.И. Герцена.

* Для удобства далее автор — Екатерина Ермакова — сокращённо Е.Е., а Татьяна Вячеславовна Рыжкова — Т.В.

Е.Е.: В США и Западной Европе давно снимают нелицеприятные фильмы о подростках и их жизни. Достаточно вспомнить нашумевших «Деток» и ему подобные. Как Вы думаете, с чем в настоящее время связано появление фильма «Все умрут, а я останусь» и сериала «Школа» на российском телеэкране?

Т.В.: Передача из проекта «Закрытый показ» Михаила Гордона, в котором демонстрировался фильм Гай Германики, снималась полтора года назад (еще был жив Иван Дыховичный). Это ответ на вопрос о том, почему и фильм, и сериал показывают в январе 2010-го, объявленного Годом учителя. «Первый канал» открыл этот год выстрелом. Вопрос только в том, в кого метил канал, кому предназначался выстрел. Ответить на него может, например, Константин Эрнст.

Е.Е.: Но нельзя отрицать, что вокруг фильма «Все умрут, а я останусь» и сериала «Школа» в обществе возник большой ажиотаж. Как Вы считаете, с чем это связано?

Т.В.: Реакция зрителей на сериал «Школа» была абсолютно предсказуема и, я бы сказала, запрограммирована. У одних фильм вызвал шок, других оставил равнодушными, точнее, вызвал чувство брезгливости. Наверное, есть и такие, кому сериал понравился. Те, кто имеет представления о школе по воспоминаниям о своем далеком детстве, безусловно шокированы. Воспитанные на фильмах «Доживем до понедельника» и «Ключ без права передачи» (если честно, очень далеких от школьной реальности, но ставивших вопрос о роли личности учителя), эти люди плохо осведомлены о проблемах сегодняшней школы. У них словно глаза открылись, им показали изнанку, грязное белье. Противно? Конечно. Неужели все так? — такой вопрос звучит из уст этой группы. Другая группа, к которой относится большинство учителей, увидели в сериале нечто, порочащее их честь и достоинство. Это не наша школа, это не наши дети! — восклицают они. Их реакция тоже понятна: им бы хотелось видеть Илью Мельникова, замечательных учителей фан-

тастической математической школы из фильма «Расписание на послезавтра», в котором главные роли играли В. Даль и М. Терехова, или, в крайнем случае, Марину Максимовну — образ спорный, сложный («Ключ без права передачи»), или даже Елену Сергеевну («Дорогая Елена Сергеевна»). Но перед нами скучные теткли, замотанные, унылые, равнодушные к предметам, которые преподают, а если они еще и не утратили молодости, то вся их жизнь все равно поделена на «школу» — зону, и остальное время — вне зоны. Сказать себе, что это учителя, что это, возможно, я, могут далеко не все.

А те, кому школа известна со всех ее сторон, плохих, очень плохих — и хороших, удивительно хороших, пожимают плечами: да, бывает и так, бывает и не так. Но ради чего все это показывают многомиллионной аудитории?

Е.Е.: А что Вы скажете в этом свете о фильме «Все умрут, а я останусь»?

Т.В.: Он, безусловно, сложнее сериала. Но вот о его художественности мне лично говорить трудно. Если в произведении нет позиции автора, вряд ли его можно называть художественным. Чтобы не повторяться, сошлюсь на обсуждение фильма в «Закрытом показе» и скажу, что мне близка позиция, высказанная Сергеем Волковым.

Е.Е.: По Вашему мнению, какой круг проблем очерчен в сериале «Школа»?

Т.В.: В том-то и дело, что никакого круга проблем в фильме нет. Установка якобы на документальность, весьма модный сегодня прием, позволяет Германике вообще не задумываться о проблемах. «Вот такой я вижу вашу школу, — словно говорит режиссер. — А какие в ней проблемы — решайте сами. Мне на все на это наплевать, потому что воротит. А когда меня воротит, то я думать не могу». Настоящие же проблемы школы остаются за кадром, так как просто недоступны сознанию режиссера: она в них не разбирается и не пытается. Удобная позиция: я вам покажу зеркало, а вы поглядите и решите, что у вас там болит.

Фото www.yandex.ru

Е.Е.: Видимо, болит, раз такая реакция среди подростков. Как Вы думаете, почему автор сериала назвала его именно «Школа», а не, к примеру, «Подростки» или «Дети и родители»?

Т.В.: Это очевидно. Название — всегда важный элемент художественной рамки. Автор сам называет то, что приковывает его внимание. Вспоминается повесть А.Гайдара «Школа». Но если там название было метафорично и метафора раскрывалась в действии, то у Германики, возможно, подразумевавшей ту же метафору, прием не работает: жизнь сложнее и разнообразнее того, что предлагает нам о ней думать автор. И школьники тоже.

Е.Е.: На интернет-форумах идёт активное обсуждение сериала среди подростков, которые в большинстве своём им восхищаются. Как Вы считаете, стоит ли включиться в полемику взрослым представителям общества? Если да, то каким образом?

Т.В.: Не могу отвечать за все общество. Мне всегда было интересно разговаривать со своими учениками о том, что интересно им. Любая открытая и честная полемика, без давления и подножек, полезна для ее участников. С одним условием: мы учащимся не подавить противника, а услышать его и понять, не доказывать свое мнение, а понять другого. Толь-

ко вот это — высокое искусство, до которого в нашем обществе еще мало еще кто дорос.

Е.Е.: На Ваш взгляд, стоит ли педагогам организовывать обсуждение фильма со школьниками?

Т.В.: Если вы имеете в виду, нужно ли специально организовывать обсуждение фильма с учениками, то, полагаю, разговор может состояться только тогда, когда в нем нуждается хотя бы одна сторона (учитель или ученик, родитель или его ребенок). Если у ребят появляются вопросы к учителям, нужно честно на них отвечать; если им интересно мнение учителя, значит, его нужно высказать и объяснить. Если нет, то о чем речь?

Е.Е.: Думаю, что дети очень заинтересованы в обсуждении сериала, только не всегда с учителями и родителями. На одном из форумов участник оставил следующий комментарий: «Сериал «Школа» — это самый реальный сериал... в нем вся правда жизни школьников... Всё, что там — это всё и есть так на самом деле... Это я вам точно говорю... Сейчас именно такая молодежь, какая показана в этом сериале... Я считаю, что запретили «Школу» из-за страха правды... Слышали такое выражение — «правда глаза колет» — вот, это про тех, кто запретил этот сериал». Согласны ли Вы с тем, что

в сериале изображена вся правда, колющая глаза?

Т.В.: Правда-то пострашнее будет. И потом, чья правда? Германики? Этого участника? Для них это правда. Для меня — нет. Я знаю и другие школы, и других ребят, которым интересна жизнь, которые задают вопросы о мире, которые хотят этот мир понять. Нам показали только одну, темную, сторону многогранной жизни, ее амебообразную составляющую, даже не намекнув, что, возможно, есть и другие оттенки, цвета. То есть солгали. Если школа для Германики только такая, мне ее искренне жаль, как и всех тех, кому так не повезло. Если они идентичны ученикам школы Германики, мне их жаль еще больше. Впрочем, героев Германики мне не жаль: они у меня никаких чувств не вызывают. Так созданы эти образы режиссером и сценаристами. А реальных ребят, приведенных в состояние полного равнодушия к миру, жаль. Запрещать, конечно, не следовало бы, а вот показывать так долго такой нудный сериал — отвлекать от действительно важных проблем: пусть выпускают пар и не задумываются о главном. В Год учителя нашли виноватого — это как всегда нищий российский учитель.